
ЕЛИЗАВЕТА ФРОЛОВА
НАСЛЕДСТВО С ПРИВКУСОМ СМЕРТИ

Елизавета Фролова

Наследство с привкусом смерти

«Автор»
2026

Фролова Е. Д.

Наследство с привкусом смерти / Е. Д. Фролова — «Автор», 2026

Трое убитых. Заброшенная фабрика. Почти полмиллиарда рублей на кону. Продолжение приключений Глеба и Марты, знакомых читателям по роману «Наследство с характером».Тихий провинциальный Озёрск потрясён жестоким преступлением. На территории старой текстильной фабрики обнаружены тела троих совладельцев предприятия. Журналист Глеб Кривцов берётся за расследование, даже не подозревая, насколько опасным оно окажется.За благополучными фасадами уважаемых семей скрываются давние обиды, предательство, жажда наживы и тайны двадцатилетней давности. Каждый подозреваемый что-то недоговаривает, а убедительная на первый взгляд версия может оказаться роковой ошибкой.Чем ближе Глеб подбирается к разгадке, тем выше становится цена правды. На этот раз он рискует потерять не только собственную жизнь, но и всё, что ему дорого.Атмосферный детектив с запутанным расследованием, неожиданными поворотами и непредсказуемой развязкой.Книгу можно читать самостоятельно.

© Фролова Е. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обычный декабрь 5
Глава 2. Трое 10
Глава 3. Цена старых стен 14
Глава 4. Четвёртый человек 18
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Елизавета Фролова
Наследство с привкусом смерти

Глава 1. Обычный декабрь

В половине десятого утра Глеб Кривцов обнаружил, что в Озёрске собираются установить две главные новогодние ёлки. По сведениям городской администрации, одна должна была появиться на центральной площади, а другая — там же, только на три дня позже. Обе новости уже стояли в очереди на публикацию на сайте «Озёрского вестника», причём к каждой прилагалась одна и та же фотография прошлогодней ёлки.

Глеб позвонил в администрацию, выяснил, что речь идёт всё-таки об одном дереве, и попросил сотрудников впредь присылать окончательный вариант сообщения, а не знакомить редакцию со всеми стадиями его согласования.

За окном мелкий снег перемешивался с дождём. На противоположной стороне улицы продавщица цветочного магазина пыталась закрепить гирлянду над входом, а её сосед, хозяин обувной мастерской, стоял на стремянке и давал советы, не имеющие никакого отношения к гирлянде. Глеб с удовольствием понаблюдал бы за ними ещё немного, но в дверь постучали.

— Глеб Анатольевич, можно?

На пороге стояла Алиса Ветрова, новая сотрудница газеты. На работу она пришла три дня назад и за это время успела переделать рубрику городских новостей, обнаружить ошибку в расписании автобусов и предложить главному редактору завести ещё два канала в социальных сетях. Последнее предложение Глеб пока оставил без ответа: ему с трудом удавалось следить за теми, которые уже существовали.

— Заходите. Что у нас случилось?

— Пока ничего. Но я нашла интересную тему.

Алиса положила на стол блокнот и села напротив. Ей было двадцать семь, у неё были каштановые волосы до плеч, зелёные глаза и привычка говорить чуть быстрее, чем собеседник успевал обдумать услышанное.

— Помните бывшую текстильную фабрику за городом? Там собираются строить жилой комплекс. Я нашла презентацию проекта. Смотрите, здесь на картинке набережная, детские площадки, какие-то совершенно невероятные дома. А в городском плане пока ничего подобного нет.

Глеб придвинул к себе её телефон. На экране красовались светлые многоэтажки среди аккуратных деревьев. По дорожкам гуляли счастливые люди, и даже небо над будущим жилым комплексом было гораздо привлекательнее того, которое сегодня досталось Озёрску.

— Кто опубликовал презентацию?

— Агентство недвижимости. Они пишут, что проект перспективный, но подробностей не дают. Я им звонила. Сказали, что информация появится позже.

— Значит, пока у нас есть красивая картинка и обещание подробностей. Выясните, кому принадлежит территория и на какой стадии находятся переговоры. Только не пишите, что строительство уже началось.

— А если поехать туда и снять, как всё выглядит сейчас?

— Можно. Снаружи. Внутрь не лезьте, там перекрытия местами обвалились.

Алиса записала что-то в блокнот. Глебу нравилось, что она не ждала, пока ей придумают занятие. На собеседовании она честно призналась, что устала писать тексты о чужих городах, не выходя из квартиры. До переезда в Озёрск она работала в интернет-издании, где от жур-

налиста требовалось прежде всего быстро перерабатывать новости. Здесь ей хотелось самой разговаривать с людьми и видеть то, о чём она пишет.

— И ещё, — сказала она, уже собираясь уходить. — Можно мне потом попробовать что-нибудь посерьёзнее? Не только городские новости. Расследование, например.

— Можно. Но для начала научитесь отличать две ёлки от одной.

Алиса посмотрела на него с недоумением. Глеб объяснил утреннее происшествие, и она рассмеялась.

Когда дверь за ней закрылась, он снова взглянул на изображение будущего жилого комплекса. Фабрика когда-то давала работу значительной части города. Глеб помнил, как в школьные годы по утрам мимо остановки проходили женщины с сумками, спешившие на смену, а у проходной продавали горячие пирожки. Позже в газете всё чаще появлялись сообщения о сокращениях, задержках зарплаты и смене руководства. Теперь о предприятии вспоминали главным образом в связи с жалобами жителей на заброшенные здания.

Он открыл папку с материалами для ближайшего номера, но вместо работы несколько минут разглядывал список тем. Ремонт водопровода, школьная олимпиада, тарифы, праздничная ярмарка. Всё это было необходимо городу, и он никогда не считал местные новости чем-то второстепенным. Однако иногда ему хотелось, чтобы под его фамилией появилось нечто более существенное, чем очередной разговор с начальником коммунальной службы.

После истории с гостиницей он особенно остро почувствовал, насколько интереснее бывает искать ответы самому, а не переписывать чужие объяснения. Впрочем, то расследование касалось Марты и её семьи, и Глеб был рад, что оно осталось в прошлом. Повторения подобных событий он не желал ни ей, ни себе.

Телефон на столе завибрировал. Марта прислала фотографию большой картонной коробки, стоявшей посреди гостиничного холла. Из коробки торчала искусственная еловая ветка, рядом сидел Бублик.

«Твой сын опять помогает».

Глеб увеличил фотографию. На носу у собаки блестела серебристая мишура.

«Наш сын», — поправил он.

«Когда он жуёт украшения — исключительно твой».

Глеб пообещал вечером принять участие в украшении гостиницы и вернулся к работе. Через минуту пришло ещё одно сообщение: Марта просила купить батарейки для гирлянды. Он записал это на листке рядом с телефоном, где уже значились фамилия заместителя главы администрации и номер типографии.

К обеду редакция успела получить жалобу на скользкий тротуар, опровержение слуха о закрытии поликлиники и письмо от читательницы, возмущённой тем, что в газете неправильно указали породу её кошки. Глеб поручил проверить тротуар, связаться с поликлиникой и исправить породу. Последнее, как выяснилось, требовало особенно деликатного подхода: кошка была изображена на фотографии с благотворительной выставки, и хозяйка считала ошибку оскорблением всей её родословной.

Алиса вернулась с улицы с красными от холода щеками и несколькими фотографиями фабрики. Глеб просмотрел снимки. За оградой виднелись длинные краснокирпичные корпуса, пустые оконные проёмы и заросший кустарником двор. На одном из зданий ещё сохранились выцветшие буквы названия предприятия.

— Ничего похожего на презентацию, — заметила Алиса, снимая шарф. — Но у ограды я разговорилась с женщиной, которая там раньше работала. Она сказала, что не верит ни в какие новые дома. Им ещё при закрытии фабрики много чего обещали.

— Имя записали?

— Да. И телефон, она согласилась поговорить подробнее.

— Вот это уже лучше. Не ограничивайтесь проектом. Узнайте, что жители думают о будущем территории. Только сначала разберитесь с фактами.

Он попросил её сохранить фотографии в общей папке. Тема могла подождать до следующего номера, а сегодня предстояло закончить вёрстку и решить, почему рекламный модуль внезапно оказался на месте половины статьи о школьниках.

Из редакции Глеб вышел уже в сумерках. В магазине возле остановки он купил батарейки, а заодно мандарины и шоколад, который любила Марта. Снег наконец перестал таять, и на припаркованных машинах лежал тонкий белый слой. На центральной площади рабочие устанавливали ограждение вокруг места для ёлки. Одной, как Глеб с удовлетворением отметил.

В «Отражении» как обычно пахло хвоей и свежей выпечкой. Марта решила в этом году украсить гостиницу пораньше: на праздничные дни уже забронировали несколько номеров, а постоянные гости интересовались, будет ли в холле большая ёлка. Возле лестницы стояли коробки с игрушками, на перилах лежала ещё не закреплённая гирлянда.

Бублик встретил хозяина с таким восторгом, словно тот вернулся из длительной командировки. Глеб едва успел поставить пакет на стойку, прежде чем пёс принялся обнюхивать его карманы.

— Батарейки привёз? — спросила Марта, выходя из гостиной.

— И всё остальное, что необходимо для счастливой семейной жизни.

Она заглянула в пакет.

— Шоколад. Снимаю половину претензий.

— А вторая половина?

— Ты обещал приехать пораньше.

Глеб посмотрел на старинные часы. Было чуть больше семи.

— У нас сегодня сложная ситуация с кошкой.

— Даже не хочу знать.

— Породистой, между прочим.

Марта улыбнулась и поцеловала его. Она собрала волосы на затылке, но несколько русых прядей выбились и падали на лицо. На рукаве её свитера зацепилась золотая нитка от украшения. Глеб снял её, а Марта протянула ему моток гирлянды.

— Раз уж ты пришёл, займись верхней частью лестницы. Я туда больше не полезу.

За прошедшее время они успели выяснить немало неожиданного друг о друге. Например, Глеб совершенно не понимал, зачем в доме нужно столько полотенец, а Марта не могла привыкнуть к тому, что он оставляет книги раскрытыми на любой свободной поверхности. Спор о том, кому следует выводить Бублика в особенно неприятную погоду, до сих пор не имел окончательного решения. Зато они научились ужинать вместе даже в самые загруженные дни, если никто из них не забывал предупредить другого о своих планах.

Из кухни появилась Зоя Павловна с небольшой коробкой стеклянных шаров.

— Вот эти повесьте повыше, — распорядилась она. — А то ваш красавец уже одну игрушку унёс под кресло. Хорошо хоть деревянную.

Бублик в это время с интересом следил за мандарином, который Глеб достал из пакета.

— Он у нас просто ценитель искусства, — объяснил Глеб.

— Пусть ценит на расстоянии. Михаил его сегодня два раза из кухни выставлял.

Марта придерживала стремянку, пока Глеб закреплял гирлянду. В гостиницу вошли двое постояльцев, остановились у ёлки и похвалили украшения. Марта отвлеклась, чтобы объяснить, где завтра будет подаваться завтрак, а Глеб успел запутать провод вокруг собственной руки. Когда она вернулась, он уже стоял на полу и пытался освободиться.

— Ты ведь человек с высшим образованием, — сказала она.

— Журналистским. У нас гирлянды не преподавали.

Они закончили работу минут через двадцать. Зоя Павловна выключила верхний свет, и на тёмном дереве перил зажглись маленькие тёплые огоньки. Глебу понравилось, как они отражались в стекле старинных часов. Когда-то он приходил сюда к Марте как гость, теперь же, возвращаясь с работы, всё чаще ловил себя на том, что думает о гостинице как о доме.

За ужином Михаил принёс им запечённую рыбу с картофелем и предупредил, что остатки предназначены не для собаки. Бублик улёгся под столом, положив морду на лапы. Марта рассказала о госте, который попросил номер с видом на озеро, а получив его, пожаловался, что озеро в декабре выглядит недостаточно живописно.

— Надо было предложить ему летнюю фотографию на окно, — сказал Глеб.

— Я предложила приехать летом. Кажется, он обиделся.

Глеб рассказал ей про Алису и фабрику. Марта отложила вилку.

— Там действительно собираются что-то строить? Я думала, эти развалины ещё лет двадцать простоят.

— Пока не знаю. Но место большое, и если проект состоится, город сильно изменится.

— Главное, чтобы не получилось как с обещанной парковкой возле рынка. Её торжественно открывали дважды, а поставить машину всё равно негде.

Глеб согласился. Марта знала город с другой стороны: через поставщиков, гостей, сотрудников гостиницы и бесконечные хозяйственные переговоры. Иногда она замечала в обычных новостях такие вещи, которые он, привыкший к официальным формулировкам, пропускал.

После ужина они вывели Бублика на прогулку. Снег поскрипывал под ногами, от озера тянуло холодом. Пёс обследовал каждый куст с обстоятельностью, которой Глеб позавидовал бы у некоторых своих корреспондентов. Марта взяла его под руку и заговорила о праздничных выходных. Она хотела хотя бы один день провести вдвоём, без гостей, редакционных звонков и обсуждения сломанных кранов. Глеб предложил съездить куда-нибудь за город, но Марта напомнила, что они давно собирались просто погулять по Озёрску и поужинать в ресторане.

— Договорились, — сказал он. — Выберем день и никому не скажем.

— Особенно твоей редакции.

Вернувшись, они устроились в гостиной. Марта открыла книгу, Глеб собирался просмотреть последние сообщения, а Бублик занял место у кресла. Телефон зазвонил прежде, чем Глеб успел снять очки. На экране высветилось имя Алисы.

— Извините, что так поздно, — произнесла она непривычно тихо. — Мне позвонила та женщина, с которой я сегодня разговаривала возле фабрики. Там полиция и машины скорой помощи. Говорят, нашли людей.

Глеб выпрямился.

— Вы сейчас где?

— Дома. Я ещё не успела ничего написать. Хотела сначала вам сообщить.

— Правильно. Ничего не публикуйте, пока не будет подтверждения. Я выясню.

Он закончил разговор и набрал знакомый номер. Воронов ответил не сразу. На заднем плане слышались чужие голоса.

— Александр Сергеевич, добрый вечер. Мне сообщили о происшествии на старой фабрике. Что-нибудь можете подтвердить?

— Могу, Глеб. Обнаружены погибшие. Подробности пока не для печати. Утром будет официальная информация.

— Сколько человек?

Воронов помолчал.

— Трое.

Глеб поблагодарил его и положил телефон на стол. Марта уже закрыла книгу.

— Что случилось?

Он посмотрел на неё, потом на тихо мерцающие огни за дверью гостиной. Ещё несколько часов назад он рассматривал красивые картинки будущего жилого квартала и думал о том, что из истории старой фабрики мог бы получиться интересный газетный материал.

— На фабрике нашли троих погибших, — ответил он. — Похоже, завтра у нас будет совсем другой номер.

Глава 2. Трое

— Нет, фамилий пока нет. И нет, я не знаю, кто стрелял. Откуда у вас вообще сведения о стрельбе?

Женщина на другом конце провода сослалась на племянника, работавшего водителем, но выяснить, какое отношение тот имел к фабрике, Глебу не удалось. Пожелав собеседнице доброго дня, он положил трубку. За последние двадцать минут в редакцию позвонили шесть человек. Один утверждал, что погибшие были приезжими, другой уверял, что на фабрике нашли целую семью. Третий хотел узнать, не отменят ли в связи с происшествием открытие городской ёлки.

Официальное сообщение появилось незадолго до девяти. Следственный комитет возбудил уголовное дело по факту убийства трёх человек. Личности погибших устанавливались, подробности не разглашались. Глеб разместил короткую новость на сайте и убрал из заголовка слово «бойня», которое успела предложить Алиса.

— Мы не знаем, что там произошло, — объяснил он. — Не будем пугать людей больше, чем они уже напуганы.

Алиса сидела напротив него в пальто, с сумкой на коленях. Она договорилась о встрече с бывшей работницей фабрики, той самой женщиной, которая позвонила ей накануне. Глеб решил поехать вместе с ней. Ему хотелось своими глазами увидеть, что происходит вокруг предприятия, а заодно понять, откуда в городе взялось столько подробностей, которых не было в официальном сообщении.

До фабрики они добрались минут за пятнадцать. Последние жилые дома остались позади, по обе стороны дороги потянулись заснеженные сосны. На повороте к предприятию пришлось остановиться: впереди стояли полицейские машины, а возле обочины собралась небольшая группа людей. Глеб припарковался там, где разрешил сотрудник полиции, и вышел из машины.

Вблизи фабрика выглядела гораздо внушительнее, чем на фотографиях Алисы. Над длинными корпусами возвышалась кирпичная труба, на которой местами сохранились белые полосы. За оградой снег лежал на грудах строительного мусора, в пустых оконных проёмах темнели остатки рам. Когда-то Глебу казалось, что это предприятие будет существовать всегда. Даже после закрытия фабрики он ещё долго по привычке называл автобусную остановку у поворота проходной.

Алиса заметила знакомую женщину возле остановки и помахала ей рукой. Та оказалась невысокой, в пуховом платке и длинном коричневом пальто. Представилась Валентиной Петровной и сразу предупредила, что ничего особенного не видела.

— А то мне с вечера звонят, будто я сама их нашла. Я здесь живу недалеко, за леском. Соседка сказала, что полиция приехала. Потом уже вашей девочке позвонила.

— Вы давно работали на фабрике? — спросил Глеб.

— Двадцать два года. В ткацком цеху. Я сюда ещё девчонкой пришла, после училища. Муж тоже здесь работал, электриком. Мы с ним на фабричном вечере и познакомились.

Она посмотрела на корпуса и поправила платок. По её словам, после закрытия предприятия сюда иногда приезжали люди, интересовавшиеся покупкой зданий. Последнее время разговоров о продаже стало особенно много. Бывшие работники надеялись, что хотя бы часть территории приведут в порядок: возле ограды годами скапливался мусор, а жалобы жителей ни к чему не приводили.

— Вы знаете, кому сейчас принадлежит фабрика?

— Корнеевым, наверное. Они здесь давно всем распоряжаются. Ещё Бессонов был, директор наш бывший. А теперь кто их разберёт? У них столько фирм, что и сами, поди, путаются.

Глеб записал фамилии. Валентина Петровна разрешила использовать её слова о предприятии, но попросила не упоминать соседку. Алиса поблагодарила её и предложила подвезти до дома. Женщина отказалась: ей нужно было в магазин, а до него отсюда ближе пешком.

У ограждения Глеб увидел Воронова. Майор разговаривал с коллегой и, заметив журналиста, поднял ладонь, давая понять, что подойдёт сам. Ждать пришлось недолго.

— Не думал, что так скоро опять увидимся по работе, — сказал Воронов.

— Я тоже. Александр Сергеевич, люди говорят, что погибших застрелили. Это можно подтвердить?

— Следственный комитет подготовит уточнённое сообщение. Я не буду его опережать.

— Хотя бы скажите, есть ли опасность для жителей?

— Оснований говорить о непосредственной угрозе горожанам сейчас нет. Но на территорию предприятия никому заходить нельзя. И передайте это своим читателям, пожалуйста. Тут и без преступления достаточно причин не гулять по развалинам.

Глеб не стал настаивать. По опыту общения с Вороновым он знал, что тот скорее закончит разговор, чем сообщит сведения, которые не вправе разглашать. Они попрощались, и Алиса, до этого молча стоявшая рядом, спросила, давно ли Глеб знаком с майором.

— Достаточно давно, чтобы не задавать ему один вопрос пятью разными способами.

— А если шестым?

— Попробуйте. Только я буду ждать в машине.

Она улыбнулась, но к Воронову не пошла. Вместо этого сфотографировала фабрику с дороги, убедилась, что в кадр не попали лица сотрудников, и убрала телефон.

По пути в редакцию Глеб предложил ей заняться историей предприятия. Материал о погибших он решил готовить сам. Алиса возразила, что уже начала работать над фабрикой и не хотела бы теперь ограничиваться архивами.

— Вы и не будете. Нам нужно понять, что это за место, кому оно принадлежит и почему вокруг него столько разговоров. Это часть расследования, а не наказание за плохое поведение.

— Тогда я хочу, чтобы моя фамилия тоже стояла под материалом.

— Если будем писать вместе, будет стоять.

В редакции их ждало новое сообщение следственного управления. Личности погибших установили, родственников уведомили. Следствие сообщало об огнестрельных ранениях и продолжало устанавливать обстоятельства гибели людей. Имена в сообщении не назывались.

Глеб успел обновить новость, когда позвонил знакомый предприниматель. Он спросил, правда ли погиб Олег Корнеев. Глеб попросил объяснить, откуда тот это взял. Оказалось, в деловом сообществе города уже обсуждали отмену нескольких встреч с Корнеевым. Само по себе это ничего не доказывало, но вскоре на странице одной из принадлежавших семье компаний появилось сообщение о смерти Олега. В нём не было ни слова о фабрике.

Глеб знал Корнеева по городским мероприятиям. Тот редко давал интервью, предпочитая отправлять к журналистам сотрудников, и однажды заставил редакцию три дня согласовывать подпись под фотографией с открытия спортивной площадки. Его младший брат Вадим, напротив, охотно выступал перед публикой. Вместе братья владели несколькими предприятиями и были в Озёрске людьми заметными.

К середине дня удалось подтвердить и второе имя. Архитектурное бюро, в котором работал Павел Ланской, опубликовало соболезнования его близким. Глеб связался с бюро, но там попросили пока не беспокоить семью. Третьего погибшего, Виктора Бессонова, назвали в сообщении объединения ветеранов предприятия. Связь всех троих с происшествием позднее подтвердил представитель следственного управления, отвечая на запрос редакции.

Глеб внёс имена в материал и перечитал его. Олегу Корнееву был шестьдесят один год, Виктору Бессонову — шестьдесят четыре. Павлу Ланскому исполнилось тридцать два. На фотографии с сайта бюро Павел стоял возле макета здания, придерживая ладонью крошеч-

ное дерево, которое, видимо, никак не желало держаться на своём месте. Глеб задержался на снимке дольше, чем на остальных. Ещё вчера у этого человека были работа, планы, какие-то мелкие заботы. Теперь редакции предстояло уместить его жизнь в несколько строк.

Он отказался от предложения поставить под новостью фотографии всех троих. Сначала следовало получить разрешение на их использование, да и превращать сообщение о гибели людей в подобие галереи ему не хотелось.

Алиса тем временем разыскала старую публикацию самого «Озёрского вестника» о продаже одного из фабричных складов. В ней упоминалось общество, которому принадлежала недвижимость предприятия. По названию общества она нашла сведения в открытом государственном реестре юридических лиц.

— Посмотрите, — позвала она Глеба. — Здесь есть Корнеев и Бессонов. И ещё Ланской.

Глеб придвинул стул. В выписке значились все три фамилии. Он попросил Алису сохранить документ целиком, с датой получения, и проверить, не менялся ли состав участников общества. Затем они сопоставили название компании с названием продавца в старой публикации. Пока всё сходилось, хотя принадлежность каждого здания ещё предстояло уточнить.

— Получается, они были партнёрами? — спросила Алиса.

— По крайней мере, участвовали в одном обществе. Это не совсем одно и то же. И пока мы не знаем, как именно распределено имущество.

Он попросил её направить запрос представителю компании. Ответ пришёл неожиданно быстро: в связи с трагическими обстоятельствами общество временно воздерживается от комментариев относительно планов распоряжения недвижимостью. Глеб перечитал последнюю фразу. Обычно в подобных ответах ограничивались соболезнованиями и просьбой проявить уважение к частной жизни родственников. Здесь же сочли необходимым отдельно упомянуть недвижимость.

В дверях кабинета появилась Марта с бумажным пакетом. Она приехала в центр за заказом для гостиницы и, узнав, что Глеб до сих пор не обедал, решила воспользоваться случаем.

— Михаил передал пирог. Сказал, что кормить тебя одними мандаринами негуманно.

— Передай ему, что редакция высоко ценит его вклад в развитие местной журналистики.

Алиса представилась, и Марта предложила ей взять кусок пирога. Пока девушка ходила за тарелками, Глеб рассказал о погибших. Услышав фамилию Ланского, Марта нахмурилась.

— Павел? Сын Ирины?

— Ты их знаешь?

— Ирину немного. У неё магазин интерьерных вещей, я покупала там светильники для номеров. Павел как-то помог мне подобрать крепления для старого зеркала. Она им очень гордилась.

Марта помолчала, глядя на фотографию молодого архитектора на экране. Потом спросила, известно ли, зачем он оказался на фабрике. Глеб покачал головой и показал ей выписку.

— Все трое связаны с одной компанией. Алиса нашла.

— Странно, — сказала Марта. — Ирина всегда рассказывала о сыне как об архитекторе. Про фабрику я от неё ни разу не слышала.

— Может, он получил долю от отца.

— Может быть. Только ты не торопись с выводами. Ирина сейчас вряд ли в состоянии отвечать на вопросы.

Глеб согласился. Он собирался связаться с ней позднее, когда это будет уместно. Марта оставила ему пирог и ушла, напомнив, что вечером у них ожидается поставка ёлочных украшений и Бублика лучше не оставлять в холле без присмотра.

Алиса вернулась с тарелками и, взглянув на закрывшуюся дверь, сказала:

— У вас здесь все друг друга знают?

— Не все. Но иногда кажется, что у нас в городе проще найти общего знакомого, чем свободное место на парковке.

Они поели прямо в кабинете. Глеб открыл вчерашнюю презентацию жилого комплекса и положил рядом распечатку выписки. Ещё накануне он считал фабрику обычной темой о городском строительстве. Теперь у него были три имени и один общий деловой интерес. Он попросил Алису выяснить, кто представлял собственников в переговорах о продаже.

— А я думала, что вы дадите мне написать про ёлку, — призналась она, собирая тарелки.

— Про ёлку тоже напишете. Город не перестал жить.

На сайте под сообщением о трагедии уже накопилось несколько десятков комментариев. Глеб удалил два с бездоказательными обвинениями и оставил сообщение бывшей работницы фабрики. Она написала, что когда-то знала Виктора Бессонова и не могла поверить в случившееся. Следом появился комментарий другого читателя: «А кто теперь будет продавать фабрику?»

Глеб не ответил. Но вопрос был задан совершенно правильно.

Глава 3. Цена старых стен

— Четыреста восемьдесят миллионов, — сказала Алиса.

Глеб оторвался от письма в типографию.

— За что?

— За фабрику. Я дозвонилась до агентства, которое опубликовало презентацию. Они убрали её с сайта, но один из сотрудников согласился поговорить. Сумма предварительная, покупатель ещё не подписал договор.

— Он разрешил на себя сослаться?

— На агентство — да. На него лично — нет. Сейчас пришлёт ответ на наш вчерашний запрос.

Глеб подвинул к себе распечатку с фотографией будущего жилого комплекса. Ещё недавно ему казалось удивительным, что кто-то вообще захотел приобрести эти развалины. Теперь он попытался представить, сколько земли скрывалось за длинной кирпичной оградой. Там вполне мог поместиться небольшой городской район.

— А кто покупатель?

— Строительная компания из областного центра. Название пока не разглашают. И знаете, что интересно? Они собирались объявить о проекте до Нового года.

— Выясните, есть ли у города какие-нибудь обязательства перед застройщиком. Дороги, коммуникации. Нам потом ещё придётся объяснять людям, почему на месте фабрики вдруг выросло столько домов.

Алиса вернулась за свой стол, а Глеб набрал номер общества, которому принадлежала недвижимость. На этот раз ему ответила женщина с усталым голосом. Она выслушала его, попросила немного подождать и продиктовала телефон юриста, представлявшего интересы собственников на переговорах.

— Андрей Викторович Бессонов, — уточнила она. — Все вопросы по продаже сейчас к нему.

Глеб поблагодарил её. Фамилия была знакомой, но прежде чем звонить, он решил проверить, не родственник ли это погибшего. Достаточно было открыть сайт юридического бюро: в разделе о сотрудниках нашлась фотография мужчины в тонких очках и краткая биография. Андрей Бессонов окончил юридический факультет, несколько лет работал в областном центре, затем открыл собственную практику в Озёрске. На фотографии с юбилея фабрики, опубликованной несколько лет назад, он стоял рядом с Виктором Бессоновым. Подпись под снимком не оставляла сомнений: отец и сын.

Глеб некоторое время смотрел на номер телефона. Расспрашивать человека о делах через несколько дней после гибели отца ему не хотелось, но другого собеседника компания не предложила. Он отправил короткое сообщение, представился и попросил связаться с редакцией, когда у Андрея будет возможность.

Ответ пришёл почти сразу. Бессонов предложил встретиться после обеда.

Юридическое бюро занимало второй этаж бывшего купеческого дома неподалёку от центральной площади. На первом продавали ткани и швейную фурнитуру. Поднимаясь по лестнице, Глеб встретил женщину с огромным рулоном портьерной ткани и помог ей открыть тяжёлую дверь. Из-за этого в кабинет он вошёл с опозданием на пару минут.

Андрей Бессонов поднялся из-за стола. В свои сорок два года он выглядел моложе, чем на фотографии: аккуратно подстриженные каштановые волосы, спокойное лицо, светлая рубашка без галстука. Только под глазами залегли тени.

— Примите мои соболезнования, — сказал Глеб.

— Спасибо. Садитесь, пожалуйста. Вы хотели поговорить о продаже?

— Да. Я понимаю, что сейчас не самое подходящее время. Если вам тяжело, можем отложить разговор.

— Дела от этого никуда не денутся. К тому же мне уже звонили из трёх редакций. Лучше объяснить всё сразу, пока в городе не решили, что фабрику купили иностранцы и собираются устроить там химическое производство.

— У нас пока обсуждают жилой комплекс.

— Это ближе к истине.

Бессонов подтвердил сумму, названную агентством, но попросил обязательно указать, что речь шла о предварительных условиях. Продажа ещё не состоялась. Предстояло согласовать ряд вопросов, связанных с землёй, состоянием зданий и обязательствами сторон.

— То есть деньги никто не получил?

— Нет. И теперь я не берусь сказать, когда переговоры возобновятся.

— Ваш отец участвовал в них лично?

Андрей снял очки и положил их на стол.

— Участвовал. Он вообще очень болезненно воспринимал всё, что происходило с фабрикой. Для него это было не просто имущество. Он проработал там большую часть жизни.

— А вы?

— Я там никогда не работал. В детстве бывал у отца, конечно. Помню, как мне запрещали трогать всё подряд. Впрочем, это не мешало мне трогать всё подряд.

Он едва заметно улыбнулся и снова надел очки.

— Я занимался юридической стороной переговоров. Отец, Олег и Павел представляли собственные интересы.

— Между ними были разногласия?

— Глеб Анатольевич, попробуйте продать вместе с двумя родственниками дачу. Потом умножьте стоимость дачи примерно на сто. Разногласия в таких обстоятельствах вполне естественны.

— Но все трое хотели продать фабрику?

— Насколько мне известно, никто не собирался возобновлять производство. А вот условия продажи устраивали не всех.

Глеб записал эту фразу.

— Что именно их не устраивало?

— Здесь я уже не могу вам помочь. Переговоры не были публичными. Простите, но я не вправе обсуждать с газетой всё, что доверяли мне клиенты.

— Даже если это может иметь отношение к гибели людей?

— Со следствием я сотрудничаю. Газета, согласитесь, несколько другая организация.

Глеб согласился. Ответ ему не понравился, но требовать от юриста нарушения профессиональных обязательств было бы странно.

На стене возле окна висела фотография фабрики. Не современная, а сделанная в те годы, когда предприятие ещё работало. Перед проходной стояли люди, над крышей поднимался дым, а вдоль ограды росли молодые деревья.

— Это отцовская? — спросил он.

Андрей проследил за его взглядом.

— Да. Он подарил мне её, когда я открыл бюро. Сказал, что в Озёрске трудно найти семью, которая не имела бы отношения к фабрике. В каком-то смысле он был прав.

— Мы готовим материал об истории предприятия. Может быть, вы знаете, у кого сохранились старые фотографии или документы?

— У бывших работников наверняка что-нибудь есть. Отец хранил бумаги дома, но я пока не разбирал его вещи.

Андрей произнёс это без особого выражения, однако Глеб заметил, как тот несколько раз провёл пальцем по краю лежавших перед ним очков. Он закрыл блокнот.

— Спасибо. Если вспомните что-нибудь, что можно опубликовать, позвоните.

— Конечно. Только прошу вас не превращать историю продажи в историю о том, как родственники делят деньги погибших. Мне сегодня уже задавали вопрос, кому теперь достанется отцовская доля. Не самый приятный разговор.

На улице Глеб остановился у витрины магазина тканей. За стеклом лежали образцы льна, бархата и плотного хлопка. Когда-то подобные материалы производили в нескольких километрах отсюда. Теперь продавщица, судя по табличкам на рулонах, торговала тканями из самых разных стран, и ни на одной не было названия Озёрска.

Он позвонил Алисе и попросил добавить к материалу комментарий Бессонова. Девушка сообщила, что получила письменное подтверждение суммы от агентства и нашла опубликованное решение городской комиссии: возможность изменения назначения территории обсуждалась, но окончательного решения о строительстве жилого комплекса не было.

— Значит, пока пишем о намерениях, — сказал Глеб. — И отдельно о том, что продажа не состоялась.

— А про убийство в этом материале?

— Упомянем, почему переговоры приостановились. Не будем утверждать, что людей убили из-за денег. Этого мы пока не знаем.

Возвращаясь в редакцию, он связался с пресс-службой следственного управления. На вопрос об орудии преступления ему ответили, что сведений о его обнаружении для публикации нет. Глеб записал ответ именно в такой формулировке. Из него нельзя было заключить ни того, что оружие нашли, ни того, что его до сих пор искали.

К концу рабочего дня Алиса подготовила материал о будущем фабрики. Глеб вычеркнул из заголовка слово «сенсация», вернул в текст два осторожных уточнения и поставил обе фамилии под статьёй. Алиса заметила это, когда пришла согласовать фотографию, и улыбнулась так широко, что он невольно улыбнулся в ответ.

— Только не привыкайте к тому, что главный редактор будет за вас править каждую запятую.

— Я могу за вас править заголовки.

— Уже заметил.

В «Отражении» Марта сидела за столиком в гостиной, окружённая образцами салфеток. Ей предстояло выбрать оформление для праздничных ужинов, и Глеб, оказавшийся поблизости, немедленно был привлечён к обсуждению.

— Вот эти или эти?

— Они одинаковые.

— Одни бордовые, другие винные.

Глеб взял по салфетке в каждую руку, посмотрел на свет и осторожно положил обе обратно.

— Я боюсь, что моё мнение может повредить нашим отношениям.

— Разумно. Возьми Бублика и прогуляйся с ним, пока Михаил накрывает на стол.

Пёс, услышав своё имя, выбрался из-под кресла. На прогулке Глебу удалось отдохнуть от разговоров о недвижимости. Снег на дорожке вдоль озера успел подмёрзнуть, и Бублик с увлечением исследовал следы, оставленные другими собаками. На обратном пути они встретили Зою Павловну, которая несла в гостиницу пакет с покупками. Глеб забрал у неё пакет, а Бублик попытался проводить её до служебного входа, где, по его убеждению, всегда происходило что-нибудь вкусное.

За ужином Марта спросила, удалось ли выяснить что-нибудь о фабрике.

— Её собирались продать за четыреста восемьдесят миллионов.

Она перестала резать запеканку.

— Ничего себе. А я сегодня полчаса торговалась из-за доставки салфеток.

Глеб рассказал о встрече с Андреем. Марта знала его по имени, но лично почти не общалась. Однажды Ирина Ланская рекомендовала его ей как юриста, когда возник вопрос с договором на поставку мебели.

— Она отзывалась о нём хорошо, — сказала Марта. — Кажется, они давно знакомы. А что он говорит о Павле?

— Что условия сделки устраивали не всех. Подробностей не сообщил.

— Ты думаешь, Павел хотел больше денег?

— Возможно. Или не соглашался с какими-то обязательствами. Пока неясно.

Марта задумалась, потом отодвинула тарелку и достала из кармана телефон.

— Смотри. Это зеркало, про которое я тебе рассказывала.

На фотографии был один из номеров гостиницы. Над небольшим комодом висело старое зеркало в деревянной раме.

— Павел тогда приехал вместе с Ириной. Она хотела продать мне новое, а он осмотрел это и сказал, что выбрасывать его было бы глупо. Даже нарисовал, как лучше закрепить раму. Я ему предложила заплатить за консультацию, но он отказался.

— Хороший человек, судя по всему.

— Мне он понравился. Только я вот о чём подумала. Если он архитектор, то мог не соглашаться с проектом вовсе не из-за денег. Ты ведь сам сказал, что окончательных решений по строительству ещё нет.

Глеб посмотрел на фотографию. Ему до сих пор представлялось, что разногласия собственников касались прежде всего суммы, которую каждый должен был получить. Марта предложила вполне разумное объяснение, о котором он даже не подумал.

— Надо будет поговорить с его коллегами, — сказал он. — Может, они знают, что он думал о проекте.

— Только Ирине пока не звони. Я сама попробую узнать, нужна ли ей помощь. Без всяких вопросов про фабрику.

— Договорились.

Глава 4. Четвёртый человек

На фотографии, прикреплённой к объявлению о продаже фабрики, не было видно одного здания. Глеб обнаружил это, когда сопоставил схему будущего жилого квартала с картой города. Между бывшей проходной и длинным производственным корпусом стояла небольшая двухэтажная постройка, которую на рисунке застройщика заменили деревьями.

— Административный корпус, — объяснил по телефону сотрудник агентства. — Ничего особенного. Здание не представляет архитектурной ценности.

— А кто это определил?

— Не могу сказать. Мы занимались рекламой, а не обследованием объектов.

Глеб распечатал схему и отправился к фабрике. Ему хотелось увидеть территорию не на картинке, а в том виде, в каком она существовала сейчас. Кроме того, Марта накануне заставила его задуматься о профессии Павла Ланского. Если тот участвовал в обсуждении проекта не только как собственник, стоило выяснить, что именно могло вызвать его возражения.

На улице возле фабрики работал небольшой шиномонтаж. У ворот мужчина в синей куртке сметал снег с резинового коврика. Глеб представился и спросил, давно ли тот здесь работает.

— Лет двенадцать. А что, опять про убийство?

— Сегодня скорее про здания. Вы не знаете, что раньше находилось вон в том двухэтажном доме?

Мужчина посмотрел туда, куда указывал Глеб.

— Контора. У меня мать там зарплату получала. На втором этаже бухгалтерия была, директор сидел. А внизу ещё столовая одно время работала. Потом её закрыли.

Глеб отошёл к тротуару, откуда хорошо просматривался фасад. В отличие от соседних корпусов, здание сохранило почти все оконные рамы. Над входом под снегом угадывался небольшой козырёк на чугунных кронштейнах. Кирпичная кладка вокруг окон была сложена гораздо тщательнее, чем на производственных корпусах. Дом явно принадлежал к более раннему периоду существования фабрики.

— Красивый был, — заметил мужчина, присоединившись к Глебу. — Мать рассказывала, что там даже часы висели снаружи. Я их уже не застал.

— А недавно здесь кто-нибудь интересовался постройками? Архитекторы, инженеры?

— Ходили люди осенью. Только я не спрашивал, кто они. У меня в октябре своих дел хватает, все разом вспоминают, что зимой снег бывает.

Глеб сделал несколько снимков с улицы. За ограду он не пошёл: территория оставалась закрытой, а возле проходной висело предупреждение об опасности обрушения. На обратном пути он отправил Алисе фотографию конторы и попросил найти старые изображения этого здания. Если удастся установить, когда оно построено, получится неплохое дополнение к материалу о судьбе фабрики.

Марта позвонила, когда он уже подъезжал к центру.

— Я разговаривала с Ириной. Она сегодня в магазине, разбирает какие-то бумаги. Предложила мне заехать.

— Как она?

— Не знаю. По телефону такие вещи трудно понять. Спросила, не ты ли готовишь материалы о фабрике. Я сказала, что ты. Она хочет с тобой поговорить.

— Сама предложила?

— Да. Только давай сначала я к ней зайду. Если передумает, не будем настаивать.

Они встретились возле магазина. За стеклом стояли два кресла, между ними — маленькая искусственная ёлка, украшенная деревянными птицами. На двери висела табличка с просьбой обращаться к хозяйке по телефону. Марта позвонила, и через минуту замок щёлкнул.

Ирина Ланская выглядела так, словно собиралась на деловую встречу: тёмные волосы аккуратно уложены, на плечах серый жакет, на шее тонкая серебряная цепочка. Только движения были непривычно медленными. Она пропустила Марту внутрь, заметила Глеба и кивнула ему.

— Хорошо, что вы оба приехали. Мне, наверное, проще будет сказать всё за один раз.

В глубине магазина стоял круглый стол с каталогами обивочных тканей. Ирина убрала их на соседнее кресло и предложила гостям сесть. Марта принесла из машины пакет с едой, который приготовил Михаил.

— Это вам. Там ничего особенного, просто обед. Не надо сейчас ещё и готовить.

Ирина заглянула в пакет и вдруг растерялась.

— Спасибо. Я вчера купила продукты и забыла их в машине. Обнаружила только сегодня.

Марта не стала ничего говорить, лишь придвинула пакет ближе к ней.

— Я читала вашу статью, — обратилась Ирина к Глебу. — Спасибо, что вы не написали, будто Павел погиб из-за наследства. Мне уже несколько человек прислали сообщения с такими предположениями. Удивительно, как быстро окружающие начинают распоряжаться чужими деньгами.

— У нас пока нет оснований утверждать, что причиной преступления стала сделка.

— Но вы ведь именно это выясняете?

— В том числе. Хотелось бы понять, какое отношение Павел имел к проекту. Марта предположила, что его могли интересовать архитектурные вопросы.

Ирина опустила взгляд на стол.

— Он не проектировал этот квартал. Его даже не приглашали участвовать в разработке. Павел получил долю в обществе после смерти отца. Долгое время она его совершенно не интересовала. Фабрика не приносила дохода, а заниматься её делами он не хотел. Когда появился покупатель, я обрадовалась. Думала, наконец избавимся от этой бесконечной истории.

— А Павел?

— Сначала тоже. Потом стал задавать вопросы. Ему всё хотелось посмотреть самому, поговорить с людьми. Он считал, что нельзя обсуждать продажу земли, не понимая, что на ней находится.

Глеб достал телефон и показал Ирине фотографию административного корпуса.

— Об этом здании он говорил?

Она увеличила снимок.

— Да. Кажется, хотел предложить сохранить его. Не обязательно как памятник. Говорил, что там можно устроить общественное пространство для будущего квартала. Я ещё спросила, кто за это будет платить.

— И что он ответил?

— Что сначала надо выяснить, возможно ли это вообще.

На лице Ирины мелькнула улыбка, но тут же исчезла. Она положила телефон перед Глебом и отвернулась к витрине.

— Он всегда так делал. Если я говорила, что что-то невозможно, ему непременно требовалось доказать обратное.

Глеб убрал телефон. Ему не хотелось превращать этот разговор в последовательность вопросов, на которые женщина обязана отвечать. Он спросил разрешения упомянуть в будущем материале профессиональный интерес Павла к старым зданиям. Ирина согласилась, попросив только не приписывать сыну конкретных планов, которых он не успел осуществить.

— Вы знали Олега Корнеева и Виктора Бессонова? — спросил он спустя некоторое время.

— Разумеется. Мой муж много лет с ними работал. Мы не были близкими друзьями, хотя в молодости встречались семьями. Потом у каждого появились свои дела.

— Они часто виделись с Павлом в последнее время?

— Чаще, чем мне хотелось бы. Он собирался закончить один проект до праздников, а вместо этого ездил на встречи. Я говорила ему, что для таких переговоров у нас есть Андрей.

— Бессонов?

— Да. Он давно занимается делами общества. Я ему доверяла.

Последняя фраза прозвучала так, что Глеб поднял глаза, но Ирина уже потянулась за чашкой.

— Простите, — сказала она. — Мне сегодня трудно сосредоточиться. Если вам нужны фотографии фабрики, у меня дома есть старый альбом мужа. Павел недавно его забирал, потом вернул. Могу посмотреть.

— Буду благодарен. Но это не срочно.

Ирина проводила их до двери. Марта задержалась возле неё, спросила, есть ли кто-нибудь рядом, кто может помочь с делами. Ирина ответила, что сестра приедет вечером. Они договорились созвониться.

На улице Глеб не сразу завёл машину. Марта сидела рядом, рассеянно поправляя ремень сумки.

— Знаешь, — сказала она, — когда у нас с гостиницей были неприятности, мне тоже казалось, что надо непременно чем-то заниматься. Сидеть и ждать было хуже всего. Может, поэтому она и открыла магазин.

Глеб вспомнил, как Марта в первые недели после получения наследства сражалась с неисправностями старого здания и одновременно пыталась разобраться в его прошлом. Тогда ему далеко не всегда удавалось понять, когда ей нужна помощь, а когда лучше просто не мешать.

— Хорошо, что ты к ней приехала.

— Надеюсь. Только не звони ей завтра с десятью дополнительными вопросами.

— Не буду.

— И послезавтра с двадцатью тоже.

Он улыбнулся и наконец повернул ключ.

У гостиницы Марта обнаружила, что поставщик привёз вместо заказанных небольших венков для дверей два огромных, предназначенных, судя по размеру, для фасада торгового центра. Глеб помог выгрузить их из машины. Зоя Павловна осмотрела покупку и предложила повесить один на Бублика: по её мнению, пёс был единственным обитателем «Отражения», которому украшение могло прийтись впору.

— Не подсказывайте ему, — попросила Марта, заметив, как Бублик заинтересовался искусственными ягодами. — Он и без вашей помощи найдёт способ испортить мне праздник.

Пока она связывалась с поставщиком, Глеб вернулся в редакцию. Алиса встретила его с двумя фотографиями на экране. Одну она нашла в старой публикации о юбилее предприятия, другую прислала бывшая работница фабрики, откликнувшаяся на просьбу редакции поделиться снимками.

— Смотрите, это точно ваша контора. Только здесь ещё крыльцо другое.

На чёрно-белой фотографии перед зданием стояла группа людей. Женщины в рабочих халатах держали цветы, мужчина у края снимка щурился от солнца. Глеб попросил Алису уточнить год и имена изображённых. Снимок оказался сделан задолго до приватизации и мог пригодиться для исторического материала, но к нынешнему составу собственников отношения не имел.

Вторая фотография была цветной, с характерным для девяностых годов красноватым оттенком. На ней возле того же крыльца стояли четверо мужчин. Алиса увеличила изображение.

— Вот Виктор Бессонов. Я его узнала по юбилейной статье. А этот, кажется, Олег Корнеев. Только гораздо моложе.

Глеб посмотрел на подпись к публикации. В ней говорилось о встрече бывших работников фабрики, а сама фотография была приведена в качестве иллюстрации к истории предприятия. Имена мужчин не указали.

— Третий, вероятно, отец Павла, — предположил он. — Надо проверить. А четвёртого я не знаю.

— Может, директор?

— Бессонов сам руководил фабрикой. Но снимок мог быть сделан по любому поводу. Напишите автору публикации, спросите, откуда фотография.

Алиса записала адрес сайта. Глеб уже собирался вернуться к текущим делам, когда на телефон пришло сообщение от Ирины. Она прислала несколько снимков из семейного альбома и предупредила, что не уверена в датах. Среди фотографий была та самая группа из четырёх мужчин. Только здесь изображение не обрезали: сбоку виднелась открытая дверь конторы, а внизу сохранилась белая полоска фотобумаги.

Глеб поблагодарил Ирину и спросил, можно ли узнать имена людей на снимке. Ответ пришёл не сразу. Он успел согласовать заметку о ремонте водопровода и выслушать жалобу корреспондента на то, что городская администрация опять прислала фотографию совещания, где все участники сидели спиной к объективу.

Наконец телефон коротко завибрировал. Ирина написала, что на снимке её муж, Олег Корнеев, Виктор Бессонов и ещё один человек, с которым она почти не общалась. Затем прислала фотографию оборотной стороны. На пожелтевшей бумаге синими чернилами было выведено: «Наши первые дни. Июнь 1995».

Под надписью стояли четыре фамилии.

— Алиса, подойдите на минуту.

Девушка прочитала их вслух, задержавшись на последней.

— Мельников. А почему его нет в нашей выписке?

— Выписка сегодняшняя, а снимку тридцать лет. Пока мы даже не знаем, кем он был.

Глеб попросил Ирину уточнить, что означала надпись. На этот раз она ответила голосовым сообщением. По её словам, муж называл эту фотографию снимком первых владельцев фабрики после приватизации. Больше она ничего определённого сказать не могла.

Алиса открыла папку с материалами о предприятии. В юбилейной публикации подробно рассказывалось о трёх семьях, которым фабрика обязана своим существованием в трудные годы. Глеб перечитал абзац, посвящённый девяностым. О четвёртом владельце там не было ни слова.

— Вот теперь, — сказал он, возвращая Алисе распечатку, — у нас появился повод поднять старые газеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.